

© 1990 г.

Н. В. Зеленова - Чешихина

**ИВАН КОНСТАНТИНОВИЧ ЗЕЛЕНОВ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ И БЫТА
НАРОДНОСТЕЙ ПРИКАМЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ**

Имя Ивана Константиновича Зеленова известно небольшому кругу этнографов. Он не занимался теоретическими проблемами этнографии, не публиковал статей о результатах своих многочисленных экспедиций, но был крупным собирателем, внесшим большой вклад в изучение этнографии народов Поволжья и Прикамья.

Семья Зеленовых жила в Нижнем Новгороде. Отец Ивана Константиновича, столяр-краснодеревщик из крепостных, был неграмотным; мать — дочь солдата, работавшего по окончании 25-летней военной службы швейцаром в Воспитательном доме в Москве, вместе с его воспитанниками обучалась церковно-славянскому языку, арифметике и разным рукоделиям.

Иван Константинович родился 9 (21) ноября 1878 г. в деревне Конново Березинской волости Судогодского уезда Владимирской губернии¹, куда его мать уехала на время родов.

В пять лет Ваня был отдан в канавинскую начальную школу. Когда ему было 10 лет, умер его отец. По окончании мальчиком начальной школы мать сумела отдать его учиться в Нижегородское Владимирское городское училище, которое давало право выпускникам поступать на гражданскую службу. Училище он закончил в 1894 г. Стремясь к дальнейшему образованию, Иван Константинович добился в ремесленном цехе отца стипендии и поступил в Порецкую учительскую семинарию (Алатырский уезд Симбирской губ.). В 1897 г. И. К. Зеленов закончил семинарию и был направлен учителем двухклассного земского училища в с. Шаркан Сарапульского уезда Вятской губ., а с 1 сентября 1899 г. стал его заведующим.

Иван Константинович был активным участником и даже организатором общественной жизни местной сельской интеллигенции. К нему в Шаркан съезжались сельские учителя и учительницы, агрономы и врачи, жившие в округе за 20—30 верст от него. На встречах обсуждались политические, профессиональные и общественные проблемы, читалась художественная и политическая литература разных направлений.

Постоянные разъезды, встречи с широким кругом людей, в том числе и с политически неблагонадежными лицами, вызываясь противоправительственных взглядов, влияние на молодежь скоро привлекли внимание местных властей. Началась полицейская слежка, и в декабре 1903 г. И. К. Зеленов был уволен из училища.

В феврале 1904 г. по рекомендации участника «Процесса 193» Н. А. Чарушина Иван Константинович обратился в этнографический отдел Русского музея к Д. А. Клеменцу и предложил свои услуги по сбору коллекций по быту и духовной культуре удмуртов, с которыми хорошо познакомился за годы учительства в Шаркане. Предложение было принято и оформлено 16 апреля 1904 г.²

Рис. 1. И. К. Зеленов. 1912 г.

В начале июня того же 1904 г. Иван Константинович получил открытый лист, фотоаппарат с принадлежностями и аванс на приобретение коллекций. 24 июня он выслал в музей 156 предметов, приобретенных в Шарканской, Бурановской и Якшурбодьинской волостях Сарапульского уезда Вятской губ., в сентябре — все остальное собранное им за лето, в том числе предметы языческого культа удмуртов, представлявшие особую ценность. Хранились они вне деревни (в лесу на мольбищах), и получение их порой было связано с риском для жизни как И. К. Зеленова, так и помогавших ему удмуртов. Ивану Константиновичу посчастливилось сфотографировать моления и приготовление кумышки (ритуальная водка из хлеба), являвшиеся частью культового обряда.

В 1905—1909 гг. сфера этнографических интересов И. К. Зеленова значительно расширилась, как и территория его полевых работ. Он стал их вести не только в Вятской, но и в Казанской, Пермской, Вологодской, Нижегородской, Уфимской и Тобольской губерниях. Иван Константинович стал собирать коллекции не только среди удмуртов, но и среди чувашей, марийцев, башкир, мордвы, татар-мусульман и татар-старокрещеных, коми, бессермян, манси, русских и мещеры. Характер предметов, приобретаемых им, был чрезвычайно разнообразен: предметы языческого культа (молений и жертвоприношений); костюмы женские и мужские, девичьи, подростковые и детские; промысловая, будничная, праздничная, обрядовая одежда; отдельные элементы костюмов; головные уборы, головные платки и полотенца; предметы домашнего обихода, в том числе ухода за маленькими детьми и постельные принадлежности; орудия земледелия, рыболовства, охоты, пчеловодства, прядения и ткачества; предметы ухода за скотом, упряжь, средства передвижения. Особое место занимали изделия прикладного искусства: женские украшения, вышивки, узорное тканье, резьба по дереву, игрушки, а также музыкальные инструменты.

Были случаи, когда Иван Константинович, не имея возможности купить предмет в данный момент, заказывал его умельцам.

Собранные предметы снабжались подробными аннотациями с указанием их назначения и способа применения; отмечалась последовательность надевания частей одежды; свадебные одежды сопровождалась описанием свадебных обря-

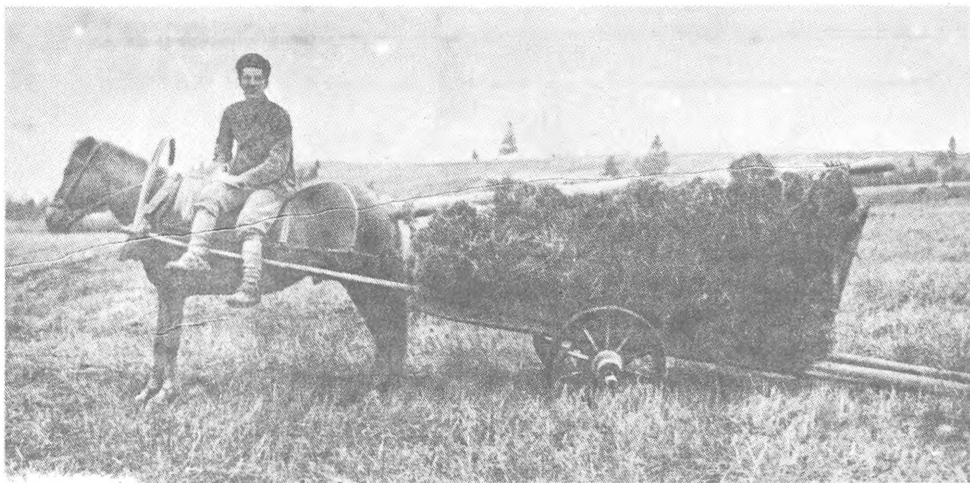

Рис. 2. Конная волокуша. Здесь и далее фото И. К. Зеленова

дов; указывались районы и время бытования и распространения предметов; делались ссылки на соответствующую литературу.

В ходе экспедиций И. К. Зеленов сделал много фотоснимков (до 300 за сезон). Фотографии, на которых были запечатлены бытовые и культовые сцены, строения, группы людей в национальных костюмах и т. п., отлично дополняли коллекции.

В экспедиции для записи песен Иван Константинович брал фонограф, который он специально приобрел.

В поездках по Прикамью и Приуралью Иван Константинович встречался с интересными обычаями. Например, деньги, полученные женщинами за проданные вещи, полностью поступали в их распоряжение, являясь собственностью женской половины семьи. Иван Константинович отмечал безусловную честность всех народов, которые он посещал и быт которых изучал. Однажды, рассказывал он, его догнал хозяин дома (удмурт), обнаруживший чрезмерную, как ему казалось, плату за какую-то вышивку. Хозяин вернулся домой только после того, как получил заверения, что монета дана женщинам не по ошибке. Проводник, сопровождавший Ивана Константиновича в поездке к вогулам, предупреждал: «Ты ничего не запирай, никто ничего не тронет. Спирт пряхь хорошенько. Выпьем».

Позднюю осень, зиму и раннюю весну собиратель проводил в Петербурге, где описывал собранные за лето коллекции, составлял отчеты о поездках, готовился к следующим экспедициям. Одну зиму он был вольнослушателем пединститута, другую — занимался на частных курсах Берлица, изучая немецкий язык. Во время работы в петербургских музеях Иван Константинович пользовался услугами двух организаций, помогающих получить заочное высшее образование того времени. Это Комиссия по организации домашнего чтения в Москве и Отдел для содействия самообразованию при комитете педагогического музея в Петербурге.

В январе 1908 г. Иван Константинович начал готовиться в экспедицию по изучению кочевого народа манси, организованную Музеем антропологии и этнографии Академии наук им. Петра Великого³. По сложившейся в музее системе он должен был пройти длительную индивидуальную подготовку. Совместно с Л. Я. Штернбергом был составлен план поездки, изучались географическая литература, природные условия местности, куда направлялась экспедиция; извещались губернские власти о предстоящей экспедиции, оформлялся открытый лист и т. д. Со своей стороны пермский губернатор дал распоряжение исправникам Кунгурского, Красноуфимского, Верхотурского, Ирбитского и Чердынского уездов, в которых проживали манси, об оказании содействия Ивану Константиновичу.

Рис. 3. Жрецы, приносящие жертву *Нюлесмурту* (божеству леса) Окрестности с. Бодья Сарапульского у. Вятской губ.

Рис. 4. Жрец, обращающийся к *Нюлесмурту* с жертвой в руках Окрестности с. Бодья Сарапульского у. Вятской губ.

Двумя годами ранее И. К. Зеленев ездил на самый север в Тобольскую губ. по поручению Русского музея тоже с целью изучения быта манси. Но это была кратковременная поездка.

Предстоящая экспедиция не была похожа на предыдущие. Малонаселенные и малоисследованные места требовали особой экипировки. Из Петербурга Иван Константинович выехал в мае и заехал в с. Якшур-Бодья Вятской губ. к семье. Подготовка к экспедиции продолжалась и по выезде из Петербурга; закупались оборудование, продовольствие. В Перми в библиотеке и музее окончательно изучались карты, уточнялся намеченный маршрут, были получены практические указания от известных знатоков северного края⁴.

Выехал в экспедицию из Перми Иван Константинович 18 июня. План и маршрут ее изменился в связи с дождливым летом. Возникли осложнения с наймом рабочих из-за высокой стоимости рабочих рук, о чем Иван Константинович пишет Л. Я. Штернбергу: «Многоуважаемый Лев Яковлевич! Сегодня месяц как я на работе, но пока что вогул, кроме обруселых, не видал. Сейчас сижу в с. Никито-Ивделе Верхотурского уезда, Пермской губернии и снаряжаюсь в дикие места. Выяснил через местных людей все условия, и оказалось, что по нижнему течению р. Юзвы и около Пельма идут культурные вогулы, с Пельма же на р. Конду в нынешнее дождливое лето едва ли проберешься (так говорят бывавшие там). Это с одной стороны, а с другой, помня Ваше наставление менять культурных на диких, я позволил себе изменить выработанный нами маршрут и избрал тот путь, который казался не осуществимым нам с Вами в Петербурге для лета: еду в верховья рр. Лозьвы, Вижая, Тотемки (Северный Урал), там, оказывается, сохранилось десятка два семейств вогул-манси в их первобытной чистоте, кочевники. Ищу работника и переводчиков сделать туда и обратно верст 600—800; думаю, что такое направление даст полнее и характернее коллекцию, а я полагаю, что эта сторона тоже очень важна. Вверх по горным уральским речкам двигаться придется не быстро, проезжу не менее месяца, и на обратный путь уйдет неделя, т. е. выйдет все время, определенное на экспедицию (два месяца). Рабочие руки оказались здесь очень дорогими, дело все в том, что все здесь золотоискатели и для них 1—2 руб. суточного заработка деньги небольшие... Что делать с Пельмом? Нужно ли туда заезжать? Я Вам после окончания с первого телеграфа дам, конечно, известие о результате работы⁵».

Ехать предстояло на оленях. Был подобран проводник (он же хозяин оленьей), владеющий русским языком. Иван Константинович легко сходил с людьми и приобретал их доверие. Экспедиция ехала на нескольких нартах. На них погрузили обычное экспедиционное снаряжение (два фотоаппарата — простой и стерео, брезентовый чемоданчик с фотопринадлелностями, тяжелые стеклянные фотопластинки, фонограф в специальном деревянном ящике и восковые валики для него также в специальном деревянном ящике с откидывающейся боковой стенкой, большой брезентовый чемодан с бельем и одеждой). В эту поездку были взяты палатки на случай дождя и холода, азиям (длинная широкая одежда в виде халата из грубого сукна на подкладке), охотничьи ружья, продовольствие, вещи и спирт для натурального обмена с манси. Из-за малой населенности Зауралья останавливаться приходилось не только в стойбищах, но и там, где заставал конец дня.

Во всех этнографических поездках Иван Константинович находил себе помощников из местного населения. Например, при изучении удмуртов ему помогали жена-учительница, учителя, учащиеся, крестьяне, лесной объездчик, духовные лица. В Тобольскую экспедицию с ним ездила его свояченица — учительница Анастасия Николаевна Вострецова, бывшая слушательница Высших педагогических курсов.

Описание собранных коллекций, их регистрация и сдача отчетов об экспедиции к кочевым манси были сделаны в Петербурге в конце 1908 — начале 1909 г.

Значение результатов экспедиции характеризуется в отчете Музея антропологии и этнографии АН за 1908 г.: «Примыкающие к самоедам вогулы, которые были весьма слабо представлены в Музее, и собрание которых совершенно не пополнялось, в этом году обогатилось весьма хорошим законченным собранием, добытым командированным Музеем И. К. Зеленовым. Собрание это, кроме нескольких предметов культа и хорошего подбора снимков молений, сцен быта и типов, заключает значительное (48) собрание символических орнаментов на бересте, особенно ценных в том отношении, что собирателю удалось выяснить название и значение каждого из этих рисунков, представляющих стилизованные изображения реальных объектов и явлений природы»⁶.

Интересно отметить, что на неисследованность быта и культуры вогул в 80-х годах прошлого века обращал внимание Д. Н. Мамин-Сибиряк. В очерке

«Бойцы», опубликованном в «Современнике» в 1883 г., он писал: «Около Ослянки⁷ каким-то чудом сохранились две вогульские деревни — Бабенки и Копчик. Обитатели этих чувовских деревушек для этнографа представляют глубокий интерес как последние представители вымирающего племени. Когда-то вогулы были настолько сильны, что могли воевать даже с царскими воеводами и Ермаком, а теперь это жалкое племя рассеяно по Уралу отдельными кустами и чахнет по местным дедьям и трущобам в вопиющей нужде. Кстати сказать, о вогулах мы знаем гораздо меньше, чем об обитателях Новой Гвинеи, не говоря уже о Центральной Африке или полярных странах. Если не найдется какой-нибудь любознательный иностранец, наши вогулы вымрут совершенно бесследно...»⁸.

Летние месяцы 1909 г. были посвящены разъездам по командировкам Музея антропологии и этнографии Академии наук. Иван Константинович собирал материалы и много фотографировал в Уфимской (башкиры), Казанской (татары-кряшены, марийцы, чуваша), Пермской и Вятской губерниях⁹. Обработка полевых сборов, как обычно, проводилась в Петербурге в конце 1909 и начале 1910 г.

С начала 1900-х годов за Иваном Константиновичем велась полицейская слежка. По данным канцелярии Вятского губернатора, Иван Константинович в 1904—1905 гг. «жил с перерывом в с. Шаркан без определенных занятий»¹⁰. На самом же деле он в эти годы энергично собирал коллекции для Русского музея в Вятской и Казанской губерниях, периодически приезжая в Петербург. Но работа по заданиям Русского музея губернскими властями, очевидно, не считалась постоянной. И. К. Зеленов располагал открытым листом от Русского музея, однако это не мешало полицейским вмешиваться в его работу. Так, 2 января 1905 г. он телеграфирует в Русский музей, что земским начальником был доволен его ямщик. 24 января 1905 г. на имя земского начальника из музея было отправлено письмо: «Учитель Зеленов собирает коллекции для Музея Александра III по поручению августейшего управляющего. Прошу оказать всякое содействие. Граф Толстой»¹¹. В сентябре 1905 г. Н. М. Могилянский (сотрудник Русского музея) пишет Ивану Константиновичу, что музеем получена бумага от вятского губернатора о нежелательности его работы по сбору коллекций «ввиду прошлого»¹².

Жене Ивана Константиновича, учительнице Шарканского двухклассного училища, после его увольнения из школы дали закончить учебный год, а затем под предлогом закрытия параллельного класса — уволили. Александра Николаевна Зеленова была одной из лучших учительниц Сарапульского уезда, имела почти 20-летний стаж, вследствие чего училищный совет Сарапульского уезда 30 сентября 1904 г. постановил сохранить ей жалование впредь до предоставления соответствующего постоянного места с хорошими жилищными условиями¹³. Два года в ожидании подходящего места А. Н. Зеленова работала в Музее наглядных пособий Вятского губернского земства в Вятке, выполняя служебные обязанности оформленного здесь со 2 мая 1905 г. мужа, фактически всецело занятого этнографией¹⁴. Только в ноябре 1906 г. ей было предоставлено место учительницы в с. Якшур-Бодья, где она и проработала до конца 1910/1911 учебного года.

Конечно, Иван Константинович во время своих этнографических командировок заезжал к семье. Он очень скучал о жене и сыне и при всяком удобном случае бывал в Вятке, и позднее в Якшур-Бодье. Кроме того, он навещал своих друзей-учителей, встречался с интересными ему людьми, часто «политически неблагонадежными». Дело кончилось тем, что по распоряжению вятского губернатора И. К. Зеленов был выслан из губернии. Вероятно, толчком к этому послужило заявление Ивана Константиновича губернатору от 22 декабря 1906 г. с просьбой о разрешении ему стать редактором газеты «Вятский край», поданное одновременно с аналогичным заявлением издательницы газеты А. Н. Праздниковой. Распоряжение губернатора о высылке было отдано в тот же день и со следующей мотивировкой: «...ввиду его крайне вредной противоправительственной деятельности»¹⁵.

Через два дня после этого, 24 декабря, у Ивана Константиновича в Вятке был произведен обыск¹⁶. Была отобрана нелегальная литература, часть которой он получил от М. Горького. После обыска Иван Константинович немедленно уехал в Петербург. Однако в 1907—1909 гг. он продолжал ездить в Вятскую губернию. Часть поездок оформлялась разрешением губернатора «для посещения семьи» через сестру И. К. Зеленова Анну Константиновну Грязнову, учившуюся в Вятке на фельдшерских курсах. О всех его приездах в Якшур-Бодью и отъездах немедленно сообщалось губернатору¹⁷.

10 марта 1910 г. Иван Константинович начал работать хранителем в Пермском научно-промышленном музее. Организованный в 1890 г., этот музей имел постоянные корреспондентские связи с петербургскими этнографическими музеями, о чем упоминается во всех годовых отчетах обоих музеев. Работая в Пермском музее, И. К. Зеленов не теряет связи со столичными этнографами. 22 апреля 1910 г. он предлагает Русскому музею провести сбор коллекций в Пермской губернии и получает согласие на приобретение экспонатов в 1911 г.¹⁸

Летом 1910 г. кроме своих прямых обязанностей хранителя Пермского музея Иван Константинович на свой страх и риск фотографирует предметы быта и отдельные сцены из жизни коми-пермяков в Верхнеязвинской волости Чердынского уезда Пермской губ., чувашей в Чебоксарском уезде Казанской губ., татар-кряшенов в Елабужском уезде Вятской губ. и башкир в Уфимской губ. Часть этих фотографий в 1910 г. была приобретена Русским музеем¹⁹ и Музеем антропологии и этнографии, в последний были переданы также и волосы «вотячек»²⁰.

В том же году Иваном Константиновичем проводились раскопки в Елабужском уезде Вятской губ., по-видимому, по открытому листу Пермского музея. «Хранителем Пермского музея И. К. Зеленовым,— сообщалось в одной из вятских газет,— доставлены предметы погребения бронзового века из местности Пьяный Бор на реке Каме Елабужского уезда Вятской губернии»²¹.

25 марта 1911 г. Иван Константинович предлагает Русскому музею новые фотографии. Они были зарегистрированы в его коллекциях в 1911 и частично в 1915 гг.

Позднее, заполняя анкету членов секции научных работников Рабпроса (1932 г.), И. К. Зеленов напишет о «внешкольном» периоде своей деятельности: «... с 1906 по 1910, главным образом, в годы моей учебы в высшей школе, работал в этнографических музеях г. Ленинграда — Русском и Академическом под руководством этнографа Д. А. Клеменца и проф. Л. Я. Штернберга. Работа моя относилась к исследованию финно-угорских народностей»²². Иван Константинович в своей этнографической работе, главным образом при подготовке к экспедициям, близко соприкасался с такими известными учеными, как У. Т. Сирелиус, К. В. Шенников, Д. И. Янович и др. Важнейшими моментами своей научной и организационной работы, судя по упоминавшейся уже анкете, И. К. Зеленов считал: «I. Изучение и исследование народностей удмуртов, мари, чувашей, бесермян, манси в пределах б. губерний Вятской, Казанской, Пермской, Уфимской, Тобольской. II. Регистрацию, описание, каталогизацию коллекций Пермского музея и библиотеки его. III. Обследование и соби́рание материалов для путеводителя реки Камы (изд. в 1911 г.)». Эти материалы были им отредактированы и подготовлены к печати. Совместно с библиотекарем Пермского музея И. Я. Кривошековым И. К. Зеленовым написаны и две статьи для этого путеводителя: «Народонаселение Прикамья» и «Описание примечательных пунктов на реке Каме»²³.

В Пермском музее Иван Константинович проработал немногим больше года. С 6 июля 1911 г. он стал заведовать отделом внешкольного образования Осинского уездного земства Пермской губ. В 1912 г. по распоряжению пермского губернатора его уволили с этой должности, но оформили секретарем того же земства, и И. К. Зеленов еще 2 года занимался вопросами внешкольного образования. По распоряжению губернатора окончательно он был уволен из Осинского зем-

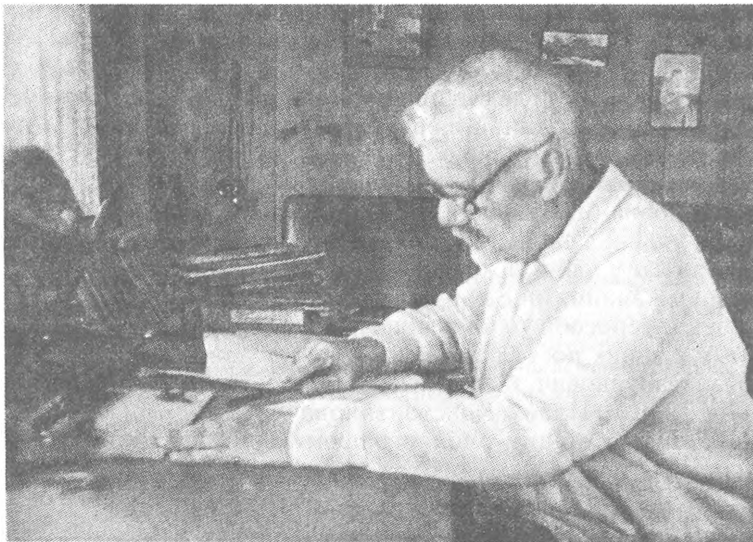

Рис. 5. И. К. Зеленов за работой. 1933 г.

ства в апреле 1914 г. После этого И. К. Зеленов на договорных началах разрабатывал схему школьной и библиотечной сети Уфимской губернии, а по окончании ее в конце 1914 г. уехал в Нижний Новгород. В сфере народного образования Иван Константинович работал с большим энтузиазмом, но интерес к изучению культуры разных народов у него сохранялся по-прежнему, и в 1915 г. И. К. Зеленов поступил вольнослушателем на Нижегородское отделение Московского археологического института²⁴. Вплоть до революции он посещал лекции столичных и местных лекторов.

После революции Иван Константинович вернулся к этнографической работе. На биологическом факультете Нижегородского университета некоторое время существовала кафедра антропологии и этнографии. В 1919 г. он был избран ассистентом этой кафедры и принимал участие в организации музея этнографии при кафедре²⁵.

На кафедре должны были изучаться все финно-угры, но фактически исследовались только коми, которыми занимался руководитель кафедры В. П. Налимов, сам по национальности коми. С приходом И. К. Зеленова было начато изучение финно-угорских народов Прикамья. В небольшой музей, созданный при кафедре, Иван Константинович передал несколько предметов языческого культа удмуртов и игрушки, собиравшиеся им в период работы в училище. Кафедра имела связь с некоторыми учеными Гельсингфорского университета, в частности с У. Т. Сирелиусом, который в 1919 г. приобрел у Ивана Константиновича несколько этнографических предметов и негативов из числа оставшихся от экспедиции 1904—1909 гг.

Кафедра этнографии и антропологии Нижегородского университета была закрыта в начале 20-х годов при переводе биологического факультета в Нижегородский педагогический институт.

Иван Константинович еще раз вернулся к занятиям этнографией, но уже в несколько иной форме. Работая старшим библиографом в Горьковской опорной библиотеке Наркомтяжпрома, он по договорам с Книжной палатой Чувашской АССР выполнял ретроспективную библиографию по этнографии и истории чувашского народа. На этом и кончилась этнографическая работа Ивана Константиновича Зеленова, но интерес к жизни и быту народов нашей страны у него сохранялся всю жизнь.

Коллекции, собранные Иваном Константиновичем, их обработка и описание получили высокую оценку советских этнографов²⁶. В Государственном музее

этнографии народов СССР хранятся 14 коллекций, собранных И. К. Зеленовым в 1904—1910 гг., в Музее антропологии и этнографии АН СССР — 8 коллекций 1908—1910 гг.

Иван Константинович Зеленов прожил бурную и интересную жизнь, полную исканий правды, разочарований, перемен взглядов и интересов. Всю жизнь он накапливал знания и был широко образованным человеком. Аккуратность, тщательность и добросовестность в работе были отличительными его чертами. Иван Константинович был хорошим организатором, увлеченный сам выполняемой работой, он увлекал своим энтузиазмом товарищей по работе и помощников любого культурного уровня. Скромный до застенчивости, он всегда был готов поделиться своими знаниями с окружающими. Получив от семьи твердые нравственные основы, неспособный на низкие поступки, прямой и резкий в своих суждениях, смелый в своих поступках, когда они касались принципиальных вопросов, Иван Константинович был мягким и простым в обращении с людьми.

16 февраля 1939 г. Ивану Константиновичу была назначена пенсия, но он продолжал работать старшим библиографом Горьковской опорной библиотеки Наркомтяжпрома до начала Великой Отечественной войны.

В ночь с 22 на 23 июня 1941 г. Иван Константинович был арестован. Скончался он 7 апреля 1942 г. в концлагере Буреполом в Горьковской области. В 1989 г. И. К. Зеленов реабилитирован за отсутствием состава преступления.

К 100-летию со дня рождения Ивана Константиновича Государственным музеем этнографии народов СССР была организована выставка «Этнографические предметы из собрания И. К. Зеленова». В аннотации выставки кроме кратких биографических данных сообщалось: «Всего И. К. Зеленовым было собрано 14 коллекций, включающих 3281 предмет. Собрание это разнообразно по составу. Значительное место в нем занимает одежда, которая представлена как отдельными предметами, так и полными комплектами костюмов различных возрастных групп населения. Особую ценность представляет уникальная коллекция предметов культа, характеризующая дохристианские верования народов Поволжья. Научная обработка коллекций производилась в основном самим собирателем. Аннотации И. К. Зеленова отличаются особой четкостью и полнотой сведений. Собранный вещевой материал дополняется и раскрывается коллекцией фотоснимков, сделанных И. К. Зеленовым во время экспедиций.

Вклад Ивана Константиновича Зеленова в коллекционный фонд нашего музея — сокровищницу многонациональной народной культуры — трудно переоценить. Собранные материалы по ряду народов составили основу дореволюционного собрания, и они по праву занимают почетное место в нем».

Примечания

¹ Метрическая выписка из метрической книги Георгиевской церкви погоста Георгиевского, тож Словоцово Судогодского уезда Владимирской губернии // Семейный архив.

² Гос. музей этнографии народов СССР. Рукописный отдел (далее — ГМЭ. РО). Личное дело И. К. Зеленова.

³ Архив АН СССР. Ф. 142. Оп. 1 до 1918 г. Д. 57. Л. 105.

⁴ Письмо И. К. Зеленова Л. Я. Штернбергу от 11 июня 1908 г. // Архив АН СССР. Ф. 142. Оп. 1. до 1918 г. Д. 58. Л. 287.

⁵ Письмо И. К. Зеленова Л. Я. Штернбергу от 18 июня 1908 г. // Там же. Л. 312--315.

⁶ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии АН за 1908 год. СПб., 1909. С. 5, 6.

⁷ Ослянка — пристань на р. Чусовой.

⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранные сочинения. М.; Л., 1949. С. 574.

⁹ Отчет о деятельности музея антропологии и этнографии АН за 1909 год. СПб., 1910. С. 2, 12, 22.

¹⁰ Гос. Архив Кировской обл. (далее — ГАКО). Ф. 582. Личное дело И. К. Зеленова.

¹¹ ГМЭ. РО. Личное дело И. К. Зеленова.

¹² ГАКО. Ф. 582. Личное дело И. К. Зеленова.

¹³ Семейный архив.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАКО. Ф. 582. Личное дело И. К. Зеленова.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГМЭ. РО. Личное дело И. К. Зеленова.

¹⁹ Отчет о деятельности Русского музея за 1910 г. СПб, Б. г. С. 59.

²⁰ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии АН за 1910 г. СПб, 1911. С. 19, 20, 23 // Отдельный оттиск из «Отчета о деятельности Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1910 год».

²¹ Находки памятников бронзового века // Вятская речь. 1910. № 152. 18 июля. С. 3.

²² Анкета членов секции научных работников Рабрпоса от 26 декабря 1932 г. // Семейный архив.

²³ Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по реке Вишере с Колвой. Пермь, 1911. Отд. II. С. 3—24; Отд. III. С. 3—115.

²⁴ Билет № 107 от 24 октября 1915 г. и экзаменационная книжка № 60 // Семейный архив.

²⁵ Анкета членов секции научных работников Рабрпоса... П. II.

²⁶ См.: *Авижанская С. А., Браун М. А., Крюкова Т. А.* Каталог-указатель. (Краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР) // Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества. М., 1975. С. 186—286; *Крюкова Т. А.* Коллекции по этнографии и народному искусству чуваш в государственном Музее этнографии народов СССР // Уч. зап. Н-и ин-та при Совете министров Чувашской АССР. Вып. 45. Искусствоведение. Чебоксары, 1969. С. 130. Г. А. Сепеев — автор книги «Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.)» (Йошкар-Ола, 1975) неоднократно ссылается на коллекции И. К. Зеленова.

© 1990 г.

Г. В. Цулая

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ЛАВРОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДОВ КAVKAZA

В мае прошлого года исполнилось бы 80 лет со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова, в апреле нынешнего — прошло 8 лет, как он скончался.

Л. И. Лавров родился в станице Медведковская на Кубани в семье потомков запорожских казаков, поселившихся на Северном Кавказе еще в конце правления Екатерины II. Вскоре после рождения Леонида Ивановича его родители переселились в станицу Пашковская, в которой он вырос и которую считал своей, так сказать, «малой» родиной, всю жизнь тянувшей его к себе.

Первые шаги в науке Л. И. Лавров начал подобно юным естествоиспытателям с наблюдения и любознательного внимания к окружающему его миру. Еще в ученические годы он написал первый доклад, посвященный истории и этнографии родной станицы Пашковская.

В 1926 г. Леонид Иванович закончил краснодарскую школу второй ступени, затем поступил в Кубанский педагогический институт, а в 1928 г. перевелся на этнографическое отделение Ленинградского университета. В 1931 г. в связи с призывом в армию учеба его прервалась на 5 лет. Однако в 1935 г. (еще будучи в армии) Леонид Иванович экстерном закончил Ленинградский институт истории, философии, литературы и лингвистики. В 1936 г. после демобилизации Леонид Иванович становится сотрудником Института этнографии АН СССР. В том же году в журнале «Советская этнография» публикуется первая его научная работа, материалы для которой им были собраны еще летом 1930 г.¹

Л. И. Лавров принадлежал к тому поколению русских кавказоведов, начало творческой деятельности которых совпало со временем, когда академическое кавказоведение (ему он впоследствии посвятил замечательный по своей обстоятельности очерк²) вступило в новую полосу своего развития.

В студенческие годы Леонида Ивановича Ленинград все еще оставался центром интеллектуальной жизни и генератором идей в области гуманитарных